

*Каникулы
в Лондоне
2*

*Рассвет
утраченной
мечты*

Ирина Мельникова

Ирина Мельникова

Каникулы в Лондоне – 2

«Издательские решения»

Мельникова И.

Каникулы в Лондоне – 2 / И. Мельникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503271-3

Ларри никогда не был в далёкой России. Он мечтал записывать свои песни в студии, чтобы их слышал весь Лондон, а лучше — весь мир. Вместе с возможностью осуществить мечту он получил и фиктивный роман с русской девушкой. Но к счастью нельзя привыкать. Нельзя обижаться на то, что оно быстрое. Его главная мечта осуществилась: он стал знаменит. И любовь озарила путь сказочным светом. Но ненадолго... Эта книга позволит вам узнать историю Ларри и расскажет о том, что случилось с ним и Энн дальше.

ISBN 978-5-00-503271-3

© Мельникова И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Каникулы в Лондоне – 2

Ирина Мельникова

© Ирина Мельникова, 2019

ISBN 978-5-0050-3271-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-3272-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я не знал, кто такая Аня Княгинина, и понятия не имел, что буду иметь дело с русской девчонкой. В то время, когда она жила в двух с половиной тысячах километров от Лондона, я мечтал записывать свои песни в профессиональной студии, и о том, чтобы их услышал весь город, а лучше – весь мир, и мало что знал о далёкой холодной России.

Сколько себя помню, на вопрос: «Кем ты будешь, когда станешь взрослым?», твёрдо отвечал: «Певцом». Ну, не считая совсем уж юных лет, которых я и не помню. Мама говорит, что в три года я мечтал быть строителем, что тоже вполне себе творческая профессия. При правильном подходе, разумеется.

Но судьба распорядилась иначе, и это моё желание, к счастью, быстро забылось. В отличие от того, которое я озвучивал в уже осознанном возрасте.

Первый шаг был сделан довольно скоро. В десять лет вместе со школьными приятелями я сколотил свою поп-рок-группу. Мы делали каверы известных мировых хитов (в десять лет! Это было смешно), а позже я и гитарист Тео ещё и пытались впихнуть в программу свои собственные сочинения. Простейшие, надо сказать, были рифмы, без особой заморочки над смыслом, вроде:

«Я тебя люблю и буду стоять здесь,
Под твоим окном,
Пока ты меня не увидишь.
А если не выйдешь,
Ты сильно этим меня обидишь».

Из всей группы – а нас было пять человек и все – парни – играли на гитаре лишь я и Тео. Играли средненько, но публике нравилось. Хотя поначалу нас не воспринимали всерьёз. Зато через пару лет звали на все школьные мероприятия.

Успех среди девчонок пришёл примерно тогда же. В четырнадцать лет меня с трудом можно было назвать красавчиком. Непропорционально большие зубы, острые скулы, кривая улыбка, нелепая причёска, волосы дыбором во все стороны. Я часто чувствовал свою ущербность. И тогда меня спасала гитара. Я просто брался за дело: играл, сочинял, что-то разучивал или подбирал на слух.

Появились и песни о безответной любви. Девчонка, которая мне очень нравилась, была прехорошенькой – со светло-русыми длинными волосами, среднего роста, с очень яркими, насыщенно-синими глазами и, казалось, вечно смеющимся взглядом. Я не мог заставить себя даже взглянуть на неё, когда мы были рядом, не говоря уж о том, чтобы заговорить. Она была старше на год. Её любили не только ровесники, но и учителя. Она была отличницей, но не занудой. Играла на гитаре, и мне казалось, что это сближает нас.

Каждый раз, когда я выходил на сцену со своей группой и начинал петь и играть, мне казалось, что я пою лишь для нее. И каждый раз я наивно верил, что Элисон – так её звали – заметит меня, и после выступления подойдёт и скажет что-то вроде: «Сегодня ты круто выступил». И тогда бы мне точно хватило смелости сказать ей: «Может, сходим куда-нибудь вместе?».

Я понятия не имел, что такое флирт и ухаживание, как делают комплименты и признаются в любви (да и сейчас, если честно, не уверен, что знаю об этом), но бывали минуты, когда я думал, что я просто мачо. Смешно.

Сам я никогда не предлагал девушкам в школе встречаться. Зато ухитрился отказать им в этом три раза. И все три раза мне было жутко неловко.

Один раз я согласился встретиться с одной из девчонок. Она была симпатичной, но я ничего к ней не чувствовал. Мне по-прежнему нравилась Элисон. Так вот, то первое свидание стало худшим в истории. Честно.

Сперва пару минут после того, как мы встретились, зарядил дождь, да так, что мы вымокли просто до нитки, пока бежали в первое попавшееся кафе. Заказали кофе. Всего лишь *два стаканчика кофе*. Знаете, во сколько они обошлись мне? Это был не просто кофе, а напиток класса люкс. Я понял это, когда принесли чек. Сразу же, вместе с заказом.

Первый же глоток застрял в моей глотке. Я пил его и давился. Улыбался и делал вид, что всё нормально, а сам думал, как выпутаться из ситуации. Денег на эти две чашки проклятого кофе у меня не было.

Большей дилеммы в моей жизни не было. Признаться мешала гордость, а выкрутиться, словно ни в чём не бывало, не представлялось возможным.

Мы просидели там около получаса, после чего я промямлил (деваться-то было некуда):

– Ты не могла бы одолжить мне фунтов восемь... до выходных?

Большим кретином я вряд ли мог себя чувствовать, и понимал: это провал. Лицо девочки исказилось в странной гримасе. Она сказала что-то вроде «Болван!» и ушла.

Пришлось звонить другу, чтобы он меня выручил. А до этого сидеть в одиночестве и делать вид, что всё в порядке. Хотя я чувствовал себя хуже некуда.

Этот случай здорово ударил по моему эго, но в то же время дал понять – если хочешь чего-то стоять, нужно хорошо зарабатывать. А чтобы хорошо зарабатывать, нужно очень много трудиться. Так я стал вечерним официантом и впервые обрёл пусть небольшую, но стабильную материальную независимость. Мой первый доход был очень скромным, но эта подработка многое мне дала. Я стал увереннее в себе, потому что теперь у меня были собственные деньги. Я научился тактично вести себя с разными психотипами людей, и, невзирая ни на что, оставаться спокойным и вежливым. Мой ежедневный график был расписан теперь по минутам: школа, репетиции в гараже вместе с группой, работа в кафе и уже за полночь – сон. Можно сказать, что с этого времени началась моя подготовка к будущей жизни, о которой я много мечтал, но и подумать не мог, как круто это окажется на самом деле. Подумать не мог, что это будет *со мной!*

Страдать от отсутствия девушки в жизни мне было некогда. Я старался удерживать хороший средний бал в учебе, внести что-то новое в наше творчество, а потом ещё пять часов отрабатывал в душном зале среди подвыпившей публики. Мысли об Элисон оказались где-то на втором плане. Пока я не заметил её вместе с парнем. Они заявили прямо в кафе, где я работал. На лице девушки мелькнула улыбка узнавания, мы обменялись парочкой ничего не значащих фраз. В любой другой ситуации меня бы это порадовало – она же в упор меня не замечала. Но не теперь, когда она пришла сюда с парнем, а я вынужден был их обслуживать.

Всю неделю я был в дурном настроении. Строил коварные планы, как разлучить их. Потом решил начать встречаться с кем-нибудь ей назло. Потом, разумно решив, что это вряд ли её беспокоит, вовсе решил никогда не жениться и посвятить свою жизнь исключительно творчеству.

Не вышло.

Я влюблялся ещё пару раз. Встречался с Мией, когда нам обоим было семнадцать. Мы продержались полгода. Потом она заявила, что её достали мои постоянные репетиции – из-за них я сбрасывал телефонные вызовы и переносил свидания. Что я ничего не достиг, а мню из себя великого музыканта. Что наша группа держится лишь на пяти сопливых фанатках, и только до тех пор, пока все они не найдут себе нормальных парней. В общем, много всего было сказано. И, возможно, она была даже права. Возможно, нам следовало поговорить и прийти к компромиссу. Но я вспылел и ушёл. Творчество было в моей жизни всегда –

и до присутствия Мии тоже, – и я не собирался отказываться от своей мечты, чтобы продолжать отношения с той, которая не понимала моих стремлений и полагала, что это блажь.

В то время я уже стал выкладывать собственные каверы песен в «Youtube», надеясь повторить успех Джастина Бибера. Просмотров было ужасающе мало, что с каждым днём подрывало веру в себя и утверждало в мысли: Мия была права, это не нужно никому, кроме меня самого и пяти сопливых фанаток.

Несколько раз я «бросал» – убирал гитару в гараж, заявлял ребятам, что с музыкой завязал и намерен заняться серьёзным делом. Тем более что на носу уже был выпускной, и я планировал поступить на юриста. Так хотел отец. Он взял бы меня к себе в компанию сначала на стажировку, а потом и на постоянное место работы, и, наверное, всё было бы хорошо и стабильно. Но это была бы уже совсем другая жизнь и другая история. Я рад, что сложилось иначе.

Моих «завязок» с творчеством хватало на пару дней. Потом я снова спускался в гараж, брал гитару и играл часами подряд. Это было моей отдушиной. Моей возможностью сбежать из реальности в тот мир, который мне нравился. И тем больше убивала мысль о том, что всё так и останется на уровне хобби. И никто не услышит, как я пою «Утро с тобой» и другие песни, написанные ещё в школьные годы, когда я ходил туда больше для того, чтобы увидеть Элисон и парней.

Минуты отчаяния были. Правда, не часто. Я давал себе пару часов на то, чтобы позлиться на собственную никчёмность и жестокую несправедливость мира, а затем принимался работать снова. Я не знал, что мои песни зазвучат по всему миру спустя семь лет, но чувствовал: то, что я делаю – правильно.

Я дал себе передышку – один год – и всё это время работал официантом (теперь уже полную ставку), а вечером выступал в клубах сольно. Наша группа, как и предсказывала Мия, продержалась недолго, и за пределами школы была никому неизвестна и не нужна даром. Мало ли в Лондоне таких коллективов? Мы продержались ещё пару месяцев, а потом разошлись. Какое-то время ещё поддерживали связь, а потом и созваниваться перестали.

Насколько знаю, никто из парней не захотел связывать свою жизнь с музыкой. А я без неё не мог жить.

В восемнадцать лет в моей жизни произошло ещё одно знаковое событие – в выпускном классе я помирился с отцом. У нас были сложные отношения, и я был обижен на него – так, что думал, никогда уже не позволю себе с ним общаться. Однако это случилось. И я даже поступил на юриста, как он хотел, но через год бросил. Это было совсем не то, чем я мечтал заниматься. В семье состоялся горячий спор, и пару месяцев мы с отцом снова были в контрах. Он считал, что у мужчины должно быть серьёзное образование и профессия. Музыку он вообще считал блажью и баловством. Видите ли, мой папа – человек, который привык твёрдо стоять на земле и смотреть либо под ноги, либо вперёд. Я же всегда смотрю в небо. Я не обвинял его в этом, просто просил понимания, а вместо этого наткнулся на колючие обвинения и угрозы, что он перестанет меня содержать. Мы поскандалили, я съехал из подаренного им на девятнадцатилетие дома, но через пару месяцев мы встретились снова и впервые нормально поговорили. Я объяснил свою точку зрения, не особо рассчитывая на понимание. Отец кивнул головой и промолчал. Не понял. Но и не стал учить жизни. За это я был ему благодарен.

Наши отношения до сих пор остаются немного натянутыми и сложными, но мы, по крайней мере, общаемся – если можно назвать общением звонки друг другу один-два раза в месяц.

Сейчас он, конечно, гордится сыном, хотя по-прежнему считает то, чем я занимаюсь, «несерьёзным делом». Однако и тех, кто поддерживает меня, тоже достаточно. И самой главной моей опорой с детства является мама.

С самого рождения мы жили в маленьком домике на окраине Лондона. Родители перебрались сюда незадолго до моего рождения, когда мама уже была беременна, из городка Джейвик в графстве Эссекс. Я никогда там не был. Говорят, когда-то он считался курортным местом.

Море, песчаные пляжи, морепродукты. Жизнь была ключом. В тридцатые годы прошлого века один бизнесмен построил там курортные дома – шале, но теперь они никому не нужны. Сейчас Джейвик занимает первое место по индексу неблагополучия среди городов Англии и Уэльса. Там самый высокий процент безработицы среди молодёжи, низкий уровень образования и доход семьи. Каждый третий живёт на пособие по безработице. Многие жители страдают от алкоголизма и наркомании. И я часто думаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы родители не рискнули тогда переехать в столицу. Буквально ни с чем. Начав жизнь с чистого листа. Вдвоём. Наверное, это и есть любовь. Была, по крайней мере.

А что случилось потом? Не выдержала испытаний временем и жизненными трудностями? Есть ли у кого-то ответ на вопрос, что случается порой со счастливыми семьями, и почему в один миг всё разлетается в клочья? Ведь были и более трудные времена в нашей жизни.

В нашем домике в Лондоне было две комнаты – такие маленькие, что там с трудом можно было развернуться. Моя кровать стояла в комнате родителей. О дорогих игрушках я и не мечтал. Зато мечтал о сестрёнке. Помню, как всё время просил об этом родителей: «Подарите мне сестру. Или хотя бы собаку». Ни того, ни другого мы позволить себе не могли. Родители стремились вырваться из нищеты, перебраться в просторные апартаменты. Отец начал строить свой бизнес. Родственные связи ушли на второй план.

К тому моменту, как мне исполнилось семь, мы переехали в новый дом. Вместе с ним началась и новая жизнь. Но вовсе не та, о которой мечталось.

Отец вкалывал на работе по пятнадцать часов, лишая себя выходных и здорового сна. Разве психика выдержит это? Тогда я многого не понимал. Не видел, в чем корень проблемы.

Чтобы справиться с переутомлением и постоянными нешуточными нагрузками, он стал искать расслабление в вине. Я не знал, что происходит в нашей семье, до тех пор, пока однажды, вернувшись домой, не застал ужасающую картину. Мама, рыдая, сидит на полу у дивана, прижав ладони к щеке, отец с пылающим гневом лицом стоит рядом и... стереть это его нечеловеческое, жестокое выражение лица из памяти я так и не смог. Мне потом долго снились кошмары. Мама пыталась его оправдать. Пыталась спасти меня – и водила к детскому психотерапевту. Пыталась спасти семью – и терпела побои. Потом стало влетать и мне.

Я не люблю вспоминать это время. Да, бывало, я вёл себя отвратительно. Бывало, перечил отцу. Чем больше мне доставалось, тем хуже было моё поведение. Может быть, я стал бы таким же, как он, не уйди он вовремя из семьи.

Я не знаю, что стало последней каплей. Мы редко говорили с мамой на эту тему. Согласно имеющейся у меня версии (не знаю, насколько она правдива на самом деле), отец ушёл сам. Пару раз в течение года он предпринимал попытки со мной пообщаться, но я пресекал их все на корню. Слишком свежи были раны на сердце. Слишком глубоко затаилась обида.

Дома я не называл его иначе как «предатель», и все его подарки на день рождения или Рождество сразу же выбрасывал, жестоко уничтожая, словно вымещая обиду. Особенно жалко было расправляться с роликами. Но я нашёл в себе силы. Хотя и жалел пару раз об этом.

Через два года звонки и подарки прекратились. Мы с мамой остались жить в новом доме, нехватка денег по-прежнему давала о себе знать, но, нужно отдать маме должное, она успевала находить для меня время, и за низкий балл в школе мне часто влетало, так что я не имел возможности скатиться ниже уровня В.

И даже несмотря на тяжёлые времена, она купила мне первую в жизни гитару. Этот подарок во многом определил мой путь, и с того дня я твёрдо знал, каково моё предназначение. Правда, доказывать другим это было непросто.

Глава 2

Отстаивать своё право на мечту всегда нелегко. Покажите мне человека, которому удалось бы добиться желаемого без особых усилий? Я не знаю таких. А если и есть, сомневаюсь, что их успех был долгосрочным.

Так вот, отец... Мы встретились снова, когда мне было пятнадцать, и я с друзьями ходил в торговый центр накануне Рождества – мы выбирали подарки близким.

Это вышло случайно.

У меня было преимущество: я заметил его первым. Меня передёрнуло, честное слово. Я не знал, как поступить. Я никогда не рассказывал приятелям о том, какими сложными были наши взаимоотношения. «У меня нет отца, всё», – таким коротким было моё объяснение. И вдруг...

Сбежать, пока он не заметил? Но тогда мне придётся всем объяснять, что случилось.

Пройти мимо, будто бы я его и не видел? Но вдруг он меня окликнет? Окликнет наверняка.

Я соврал, что мне приспичило в туалет. Это был наилучший способ. А потом, с величайшей осторожностью оглядывая помещение торгового центра, под предлогом усталости поскорее увёл оттуда парней.

Он был с новой женой. С беременной женой. Не заметить её положение было просто невозможно. Я не знал, осведомлена ли об этом мама, но предпочел не упоминать. В конце концов, это его жизнь, и с нашей она давно уже не пересекается. Я боялся, что мама всё ещё любит его. Как иначе объяснить то, что она долгое время ни с кем не встречалась и твёрдо уверяла меня, что «нового папы» не будет, хотя я, в общем-то, был не против. Точнее, мне было всё равно.

Шон появился в маминой жизни лишь пять лет назад, спустя девять лет после развода! И, к моему собственному изумлению, он мне понравился. Правда. Серьёзный, уверенный в себе мужчина. Немного старше мамы, с посеребрёнными уже волосами, но вполне себе статный. Он умел держать марку и не возноситься. Он владел этой гранью. И ко мне относился как к равному. Мы уважали друг друга и стремились к одной цели – сделать счастливой Трейси – мою маму и его любимую женщину.

Они поженились через восемь месяцев после знакомства. Я не был против, но я был... в шоке. Боялся, что это станет ошибкой. Что Шон не такой, каким кажется на самом деле.

Но шли дни, а мама по-прежнему выглядела счастливой. Я успокоился.

И тут, словно гром среди ясного неба, вновь появился отец. На этот раз он пришёл с миром, но я воспринимал его именно так – «гром среди ясного неба».

Он был на моём выступлении в клубе, а я его не заметил. Сложно увидеть кого-то в дыму и полумраке. Обычно люди воспринимали мою музыку только как фон. И я прошёл разные стадии осознания этого факта: от злости и твёрдой решимости покончить с этим раз и навсегда, до смирения, граничащего с безразличием пофигиста.

Он окликнул меня, когда я спускался со сцены. Просидел целый час, выжидая удобный момент.

Сказать, что я был удивлён – не сказать ничего. Ошеломлён. Сражён наповал. Уничтожен.

– Ларри, привет! – он стоял за спиной и улыбался, как ни в чём не бывало. Как будто мы виделись в последний раз не годы назад, а только вчера.

Я бросил недобрый взгляд в его сторону, надеясь, что это его остановит, и двинулся прочь. Но я забыл, что его ничем не остановишь.

– Ларри, сынок, послушай...

– Вспомнил, что у тебя есть сын? – не оборачиваясь, на ходу процедил я.
– Я и не забывал никогда.
– Ага, охотно верю. Только мне твоё присутствие в жизни уже не нужно.
– Ларри, мы могли бы поговорить наконец как мужчины. Ты уже взрослый. Достаточно взрослый, чтобы осознать, что произошло.

– Я всё осознал ещё тогда, когда ты в первый раз двинул мне по загривку.
– Ларри! – он схватил меня за руку и прошипел, стараясь не привлекать внимания: – Ты хочешь, чтобы на нас все уставились?

– Боишься, что это повредит твоему имиджу?
– Я на машине. Поехали куда-нибудь, поговорим.
– Нам не о чем разговаривать.
– А я-то думал, ты вырос.
– Я вырос. И, как видишь, без твоего участия.

Разговор явно шёл не по тому сценарию. Отец нервничал, и чудо, что он не сорвался и не ушёл. Хотя именно этого я добивался.

– Тебя, наверно, жена ждёт и дети, – напомнил я как бы между прочим.

Он выглядел ошарашенным. Словно я не должен был этого знать. Но я знал. И он быстро взял себя в руки.

– У меня только один ребёнок.
– Да ладно?
– Его зовут Мартин, ему четыре...
– А обо мне ты, значит, забыл? – прервал его я.
– Что? – окончательно растерялся он.
– Ты только что мне сказал, что у тебя *один* ребёнок.
– Я хотел сказать – там. Там один ребёнок.

Я развернулся, чтобы уйти, но он вновь крепко схватил меня за локоть, и вырваться было не так-то просто. Сила у него всегда была богатырская.

– Хватит, Ларри. Хватит вести себя как ребёнок. Ты уже взрослый парень.
– Вот именно. И теперь я в тебе не нуждаюсь. Также, как ты не нуждался во мне все эти годы.

Во мне бушевала злость, скрываемая все эти годы обида. Я не желал с ним общаться. Но он оказался хитрей.

– Мама сказала, ты всерьёз увлекаешься музыкой?
– Какое тебе дело? Ты что, общаешься с мамой?
– Она, в отличие от тебя, зла на меня не держит. Я мог бы купить тебе новую гитару.

Треysi сказала, тебе нужен новый инструмент.

– Мне ничего от тебя не нужно!

Он помолчал несколько секунд, и вдруг тихо, как-то по-новому произнёс:

– Прости меня, Ларри. Я был плохим отцом.

К такому я был не готов. И застыл.

– Дашь мне свой номер? Я хотел бы познакомить тебя с твоим братом, если ты хочешь.

У меня не было сил больше спорить. Как и желания знакомиться с «братом».

– Разве мать тебе не дала?

– Нет. Сказала, что это твой выбор – захочешь ли ты общаться со мной. Она лишь сказала, где я могу найти тебя.

– Легче стало? – хмыкнул я, старательно избегая его прямого взгляда.

– Нет.

Его откровенность меня убивала. Я не знал, как вести себя. Я не был готов к этой встрече. И слишком хорошо помнил тот образ отца, который жил в моей памяти – как он наклоняется

ко мне с перекошенным от гнева лицом и бьёт наотмашь, как слёзы заслоняют глаза, попадают в нос, затекают за уши. Я кричу, а он продолжает бить меня. Именно эта картина вновь предстала передо мной, не давая нормально общаться с отцом. Я знал, что должен простить его. Что старые обиды отравляют нашу жизнь и делают жестокими наши сердца. Но не мог.

Мы обменялись номерами. Всё, что я хотел в тот момент – чтобы он поскорее отстал от меня. Чтобы нас не увидели вместе.

Потом корил себя за проявленную мягкость и придумал тысячу способов дать понять, что не нуждаюсь в нём.

А следующим вечером снова взял в руки гитару и вдруг подумал о том, какую хотел бы купить. У меня была старая, обыкновенная. Я бы хотел «Гибсон». Да, чёрную «Гибсон». Но у меня таких денег нет. И не будет. По крайней мере, ближайшие двадцать лет. Так я думал тогда.

Возможно, мной двигали исключительно меркантильные цели. Возможно, я всё ещё на что-то надеялся. Мы встретились.

Разговором это вряд ли можно назвать: отец пытался как-то расшевелить меня, много говорил. Я делал вид, что слушаю. Вёл себя как дурак. Но и этому есть объяснение: во мне всё ещё жил обиженный мальчик.

Потом, как и обещал, он повёл меня в музыкальный магазин. И сколько же там всего было! На какое-то время я вовсе забыл о мире извне, блуждая в этом раю среди гитар, барабанных установок, электронных пианино и усилителей звука.

– Как тебе эта? – сказал отец и ткнул пальцем в блестяще-чёрную поверхность «Гибсона».

Я затаил дыхание. Именно о ней я и грезил. Но цена...

– Ты ценник видел? – с делано-безразличным видом, походя бросил я.

– Если хочешь, купим её.

– И тем самым ты пытаешься купить и меня, – констатировал вслух.

Ну, я и не против. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

С ума сойти, «Гибсон»! Гитара моей мечты! Неужели она может быть *моей*?!

– Нравится или нет? – проигнорировал отец мой новый выпад.

Мое молчание было красноречивее слов. Я боролся с собой.

Мы купили эту гитару.

И я целые сутки не выпускал её из рук.

Качество звука стало гораздо круче. Только в клубах, где я играл, мало кто замечал это. Вообще никто, если честно.

С отцом мы стали общаться. Правда, нормальным это общение не назовешь. Но избегать его также, как прежде, после такого подарка я просто не мог. И я смирился с его присутствием в своей жизни.

Единственное, на что не соглашался – встречаться с его семьёй. Зачем мне какой-то там брат и новая жена отца? Какое мне до них дело?

А на следующий день рождения он подарил мне дом. Собственный дом! В центре Лондона! Я был в шоке, когда получил извещение.

– Хотел подарить на твоё совершеннолетие, но кто знает, что будет через два года. Решил не тянуть. Надеюсь, тебе понравится, – вот и всё объяснение. Отец никогда не был чересчур многословным.

Я не знал, как относиться к такому вниманию. С одной стороны, я чувствовал себя должником. С другой, по-прежнему не испытывал тяги к общению с ним. Созванивался пару раз в месяц, воспринимая это как должное. Даже проучился год на юриста, пока не убедился, что это не моё, и помыкать своей жизнью не дам никому. Пусть заберёт свой дом и гитару и катится, если захочет.

Мама, как ни странно, избрала иную тактику. Она просила быть мягче с отцом. Дать ему шанс исправиться. Я не хотел даже думать об этом.

Просто терпел его в своей жизни. Смирился. Пытался простить, но не мог.

В дом я переехал через полгода. Сперва он казался мне просто огромным – два этажа, много пустого места, – чужим и холодным. Но мама помогла навести порядок, превратив жилище в уютный мирок. Единственным местом, которым занимался я сам, стала комната. Пусть и получилось мрачновато, зато именно так, как я хотел: кровать, шкаф, ноут, гитара и стол – ничего лишнего, всё под рукой.

Еще одна комната ушла под студию. С профессиональным оборудованием снова помог отец, хоть и презирал то, что я делаю. Но, стоит отдать ему должное, после сделанного для меня и моей мечты я не мог его ненавидеть. Он всячески старался искупить свою вину. Как мог. И я оценил это.

А потом возник Пол.

Вернее, не так. Сперва возник кастинг.

Вообще-то, периодически я посещал разные прослушивания и даже пробовался на маленькую роль в кино, но ни одна из попыток не увенчалась успехом. Везде говорили: «Тебе надо совершенствоваться. Ты не попадаешь в ноты». И я совершенствовался: брал уроки вокала, отдавая за них почти всю зарплату официанта. Но результата не было. Может быть, я и стал лучше петь, но на кастингах мне по-прежнему говорили твёрдое «нет». Это был замкнутый круг. И каждый раз я разочаровывался в себе всё сильнее. Иногда не выдерживал, возвращался домой и плакал. Мне казалось, что ничего не получится. Люди не хотят меня слушать.

И тогда я решил это бросить.

Подумал, что стану адвокатом, как хочет отец. Поступлю туда снова.

И в этот самый момент объявили кастинг на новый «Х-фактор». Я подумал, что это мой последний шанс. Если не пройду – значит, я сделал правильный выбор, решив оставить музыку.

И я прошёл.

После первого отборочного тура ко мне подошёл Пол – он был кем-то из администраторов шоу, тогда еще мелкой пешкой, – и предложил мне снять свою кандидатуру, взамен предложив сотрудничество. Он говорил:

– Что ты получишь от участия в этом шоу? Временную славу? А если не выйдешь в финал? О тебе забудут через неделю, ты будешь отработанный материал. Если победишь – станешь участником очередной группы. Будешь петь то, что скажут. Но шансы, сам понимаешь, как и у всех. Это рулетка: повезёт – не повезёт. Я же предлагаю тебе карьеру сольного исполнителя. Ступень за ступенью, но я смогу вывести тебя на международный уровень. Подумай об этом.

Предложение было, честно сказать, сомнительное, и я однозначно склонялся к отказу, хотя и знал, что вступать в конфликт сразу же слишком опасно.

Поделился с мамой – мы всегда были довольно близки, и я знал, что могу на неё рассчитывать. Она вызвалась лично побеседовать с Полом и после этого разговора вышла абсолютно убеждённая в том, что нам нужно сотрудничать. Уж не знаю, чем он её подкупил. Особых аргументов ни у меня, ни у неё в пользу этого выбора не было. Скорее, мы положились на интуицию.

Пол имел кое-какой опыт в сфере шоу-бизнеса, но это не был опыт продюсирования. Я много лет пел под гитару, выкладывал свои видео в интернет и пел в клубах по вечерам, но меня по-прежнему никто не знал. Это был абсолютный риск для обеих сторон. Но Пол почему-то выбрал меня. И я согласился на его предложение.

Моё выступление сняли с эфира и сделали вид, будто ничего не было. Мы подписали контракт о сотрудничестве. Пол выдумал историю про встречу в клубе, и всё завертелось.

В первое время после подписания контракта в моей жизни мало что изменилось. Я всё также выступал по клубам, иногда – на разогреве у таких же как я малоизвестных исполнителей. Денег почти не получал – нужно было записывать первый альбом, запускать первый сингл, снимать первый клип... Всё это требовало существенных вложений и дорогостоящей рекламы.

Помню, как впервые попал в студию звукозаписи. Пульт звукорежиссёра казался мне непонятным столом с кучей ненужных кнопочек. Конденсаторный микрофон отпугивал. Я понятия не имел, для чего нужен предусилитель. В общем, это был шок.

Я не смог записаться нормально ни с первого, ни с четвёртого раза. Мы просидели там до полуночи, пока не кончилось арендованное время и силы. На следующий день я не мог говорить. Зато с каким упоением слушал свой первый сингл!

Со студией у меня вообще сложились особые отношения. Впоследствии Пол даже арендовал нам комнату отдыха в этом здании на длительный срок – там мы собирались, чтобы обсудить дальнейшие планы, я мог поспать пару часов и восстановить свои силы. Тяжёлое было время, но продуктивное. Это было начало. Никто не знал, к чему приведёт этот путь. Никто и предположить не мог.

Поначалу я нервничал каждый раз, когда заходил в студию. Было так непривычно оказаться в огромном офисе среди удивительно разных, но очень талантливых людей со всего света! Невероятно: им нравилось то же, что и мне!

Я жадно впитывал новые впечатления, учился видеть мир шире.

Полгода мы готовили материал. Первую песню, первый клип. Параллельно велись переговоры с журналистами и радиостанциями – никто не хотел связываться с неизвестным мальчиком. Всё это Пол взял на себя. Он был не только менеджером, но и пиарщиком, продюсером, тур-агентом, администратором, телохранителем.

Я же весь день сидел в студии, писал песни, по вечерам продолжал выступать в клубах, которые теперь уже лично отбирал для меня Пол. А ещё расклеивал листовки с рекламой первого концерта в маленьком зале.

Площадка была размером со спальню. Скромненько. Но я подумал: «Сделаю всё, чтобы те, кто пришёл сюда, к концу вечера были счастливы». И у меня получилось. Мне хлопали стоя, и это был настоящий успех.

Пол пригласил на концерт какого-то корреспондента, который обещал за умеренную плату сколотить неплохую хвалебную речь в мою честь и выпустить в большой журнальный мир. Не скажу, что после этого вечера я проснулся знаменитым, но сдвиг наметился.

Следующее выступление состоялось через полмесяца. Это был уже гораздо больший клуб, где выступали диджеи и многие начинающие исполнители. Там было гораздо больше людей – как раз той аудитории, на которую, как предполагал Пол, была нацелена моя музыка.

Я так переволновался, что выступил просто чудовищно. Профальшивил целый куплет и припев первой песни, потому что не знал, как работать с напольными мониторами и внутриканальными наушниками. Это было кошмарно! Боюсь представить, что подумали зрители. Наверное, ни один из них с той поры меня больше не слушал.

Потом был ещё ряд выступлений, с которыми я справился несколько лучше. Репетировал день за днём, забросив работу официанта. Только об этом и думал. Я должен был стать профессиональным певцом. Уметь работать в любых условиях. Отлично владеть своим голосом. Оттачиванием этих вещей я и занимался.

А потом нам вдруг позвонили из одного уважаемого в Лондоне журнала о жизни звёзд и предложили интервью. Это событие мы отмечали до утра. Пол был уверен: теперь дело сдвинется.

И ведь правда – сдвинулось. Не само по себе, конечно.

Мы соглашались на все интервью, ходили на все радиостанции, куда приглашали. Я появлялся на телевидении так часто, как получалось. Я во всём слушал Пола, потому что он тот, кто поверил в меня. И я знал, что он приведёт меня к успеху.

В первый же день после выхода того первого интервью у входа в студию стояли две девушки. Я прошёл мимо них, не придавая значения, даже не подозревая, что они могут ждать меня. А они мне крикнули вслед:

– Ларри, можно с тобой сфотографироваться?

Я был поражён. Они знают моё имя? Хотят сфотографироваться? Серьёзно?

– Конечно, не вопрос.

Это было так странно!

Я спросил, откуда они. Оказалось, из Дартфорда. Они приехали на один день и простояли тут два часа, просто чтобы увидеть меня. Это стало для меня новым шоком.

Мы пообщались минут пятнадцать, а потом разошлись. И я весь день чувствовал себя окрылённым.

С этой поры жизнь завертелась как бешеная карусель.

А потом в моей жизни возникла Энн – именно так она и представилась.

Верите ли вы в теорию половинок и любовь, способную преодолеть любые трудности?

Я не думал об этом. Не думал ни о чём, кроме музыки.

А теперь могу сказать точно: я верю. Потому что то, что случилось с нами, не оставляет мне выбора.

Глава 3

Дверь за менеджером громко захлопнулась, и я по его лицу видел – что-то стряслось.

– Что это такое? – разделяя каждое слово, произнёс он.

Я изумлённо приподнял бровь. Пол не орал, но его ледяное спокойствие и метающий молнии взгляд был гораздо красноречивее крика. Он умеет давить. Только раньше я этого не замечал.

– Что случилось?

Мне на колени шлёпнулся свежий выпуск журнала, от которого еще пахло типографской краской. Прямо на обложке красовался анонс: «Ларри Таннер: рабочие будни и разгульные вечера». Что?

Я быстро перелистал страницы. Статейка была небольшой, на полстраницы. Но по единственной прикреплённой к ней фотке я понял, о чём будет речь.

Мне хватило минуты, чтобы ознакомиться с текстом.

– Ну? – осведомился Пол, когда я поднял глаза и уставился на него с выражением полнейшего непонимания.

Как это может быть? Ведь там никого не было! Ни одного папарацци с камерой!

– Насколько всё плохо?

– Думаю, это нам ещё предстоит узнать. Не сомневаюсь, все жёлтые газетёнки и телеканалы возьмут информацию на вооружение. Ты мне одно скажи: ты чем вообще думал?

– Я просто хотел расслабиться. Я был там с друзьями.

– Хорошо провёл время? Нам теперь не отмыться! Ты помнишь, о чём мы договаривались, подписывая контракт? Ты – положительный герой, рыцарь в сияющих доспехах. Разве хорошие парни дерутся? Ответь мне! – вновь рявкнул Пол.

– Ну, подрался, с кем не бывает, – промямлил я в своё оправдание, чем рассердил Пола ещё сильнее.

– Что? С кем не бывает? С тобой не должно быть, Ларри! Это рокерам можно и двенадцатилетним мальчишкам. Ты уже взрослый парень и должен нести ответственность за свои поступки.

– Хорошо, я всё понял, – ответил, лишь бы скорей от него избавиться.

Пол помолчал, застыв посреди комнаты с упёртыми в бока руками. Затем шумно выдохнул и произнёс:

– Не забудь, завтра у тебя репетиция и запись в студии. Не опаздывай.

– Ладно, – ответил, поднимаясь с дивана и закидывая рюкзак на плечо.

– И принеси мне свои наброски. У тебя ведь есть что-то новенькое? Нужно подумать, как отвлечь внимание публики.

Я снова кивнул и, попрощавшись, вышел.

Вдохнул полной грудью, надел солнцезащитные очки, огляделся. Куда бы пойти?

Решил направиться в книжный Libreria – мой любимый магазин в городе. Вот где рай для книголюбов. Концепция магазина мне по душе: множество разной литературы на любой вкус, удобные кресла для чтения и ряд зеркал, создающих иллюзию бесконечного пространства. Полное единение с книгами.

Я с детства приучен читать и делаю это с большим удовольствием. Это было одно из немногих доступных мне развлечений наряду с игрой на гитаре. И теперь я даже рад, что воспитывался именно в то время и в той обстановке.

Мне нужно было выбросить из головы разговор с Полом. Но пока дошёл до цели, успел перемолоть ситуацию ещё двадцать раз.

Я не собирался с ним драться.

Я даже не собирался туда идти.

Но в последнее время в моей жизни так мало привычных вещей. Да, я посвящаю жизнь музыке и на всё готов ради мечты, но иногда хочется вспомнить и о друзьях, и о девушках. О том, что есть клубы, и туда кто-то ходит.

У меня выдался единственный свободный вечер за последние два месяца, и, так уж совпало, что двое приятелей как раз позвали меня потусить. Это был приличный клуб, не какое-то галиматьё. Там часто бывали звёзды – в вип-ложе – и никто никогда не выносил на всеобщее обозрение, чем они занимаются. Так – из уст в уста, среди корифеев.

Сначала всё шло хорошо. Мы выбрали напитки, много смеялись. Это была мужская компания, и хоть я не знал никого, кроме двух пригласивших меня приятелей, всё равно было весело.

Это была та другая жизнь, которую я проживал до знакомства с Полом. И мне хотелось воскресить её на один вечер. Не потому, что я слишком её любил или успел соскучиться. Нет. Просто иногда бывает приятно вспомнить что-то, что познаётся в сравнении, предаться ностальгии на пару часов и снова вернуться в своё настоящее, как в тёплый уютный дом.

Мы немного поговорили о футболе, о девушках (тут мне особо хвастаться нечем), затем как-то плавно скатились к работе. Моя популярность была далека ещё от беспредельной, и даже внутри страны не многие знали меня в лицо. Так что для кучки парней, собравшихся помериться своими успехами в разных сферах, я был вроде мелкой сошки. Многие так размышляют: музыка – это хобби, а зарабатывать на жизнь нужно чем-то серьёзным, чтобы денежки сами плыли тебе в руки, а ты бы сидел в своём кожаном кресле, включал свой мозг и делал так, чтобы с каждым годом этих шуршащих купюр вокруг становилось всё больше.

В этом наши мнения сильно разнились, поэтому я молчал, потягивая свой коктейль, пока какой-то придурок – Дик, не вцепился в меня орлиным взглядом.

– Ну что, Таннер, ты уже записал дуэт с Мадонной?

Его смешками поддержали несколько таких же тупоголовых приятелей. Я предпочел промолчать. Сделал вид, что это вообще ко мне не относится.

Но Дик с заинтересовавшей его темы съезжать не хотел. Есть такие люди, которые считают, что они становятся круче, показывая свою псевдо-значимость и осведомлённость в тех вопросах, которые их вообще не касаются.

Вот и этот парень стал разглагольствовать на тему: чего можно добиться, став артистом. В итоге сделал умозаключение: если ты не великий шоумен, всю жизнь будешь петь для блондинок и их собачек размера rocket. А это почти то же самое, что побирушка. Или альфонс. Потому что зависеть от женщины – худшая мука. А стать великим артистом мне не суждено. Ну, хотя бы потому, что их единицы, и в таких кругах, как это злчное местечко, где мы сидели сейчас, их быть не может. Всех современных певцов он называл однодневками, а кто в понятии Дика «великий» я так и не понял.

Это в кратком и цензурном пересказе то, что я от него услышал. Разглагольствовал он долго, не особо стесняя себя в выражениях и не беспокоясь о том, что лезет, вообще-то, не в своё дело.

– А сам-то чем занимаешься? – не выдержал наконец я.

Обстановка между нами заметно накалилась. А Дик... Я видел, что он уже пьян, поэтому плохо себя контролирует. Но не мог ничего с собой сделать. Внутри клокотала злость, потому что затронули мою самую главную тему – музыку, и всячески пытаются опорочить ту сферу, о которой имеют лишь смутное понятие, и мою жизнь, которая уж точно не касается тех, кто видит меня впервые в жизни.

Он стал заливать что-то о том, что делает ставки на спорт и это самый выгодный бизнес, интеллектуальная стратегия, развивающаяся сфера, которая требует массу усилий для того, чтобы стать успешным, но результат того стоит.

– А вообще он разносчик пиццы, – вставил его приятель в конце этой умопомрачительной тирады, и все засмеялись.

Даже я не сдержался.

– По крайней мере, я не лыщу себе мыслью, что я великий артист и когда-нибудь буду им. Я строю свою жизнь сам, не выстилаясь перед другими.

– Чего? – приподнял я бровь, из последних сил стараясь сдержать нарастающую агрессию. Даже кулаки сжал, что не укрылось от взгляда Дика.

– Хочешь врезать мне? Ну давай!

– Перебьёшься.

– Потому что я прав! Все вы там в вашем шоу-бизнесе – подстилки.

В какой-то миг я перестал себя контролировать. Никто и глазом моргнуть не успел, как мы оказались друг напротив друга. И, прежде чем парни успели нас растащить, уже ухитрились врезать друг другу. К счастью, мои «потери» оказались минимальными – его удар угодил мне в живот, а не в лицо. Потому что о грядущем через два дня выступлении я вспомнил намного позже.

– Вы чего, парни? Спокойно! Сдурели совсем? Ларри, он тебя провоцирует. Не видишь что ли, напился!

– О, ещё одна подстилка, – услышал я, но не обернулся. Только поднял голову и бросил на Дика угрожающий взгляд.

Его увели, хоть он и пытался сопротивляться. А его место тут же заняли девушки, отдыхавшие неподалёку и привлечённые шумом. Одну из них я знал. Кенди. Мы пересекались пару раз в студии. Она записывала альбом, но уже была немного известна в другом амплуа – модели. Ей было лет двадцать, не больше. Темноволосая, с хорошими формами и милым личиком. Её подруга сильно ей уступала во внешности.

Я лишь мельком взглянул на них и тут же столкнулся с улыбкой Кенди и направленным на меня цепким взглядом.

– Эй, что у вас тут? Ты в порядке?

– Всё нормально, – ответил за меня Лео.

Второй мой приятель уже успел куда-то смотаться. Да и вообще, компания наша изрядно поредела.

– Я Кенди. Мы, кажется, виделись пару раз.

Я кивнул, отчаянно соображая, как бы поскорее отсюда выбраться. Тусовка разом перестала быть привлекательным местом и мне хотелось скорее домой. Или в студию. Нет, лучше домой.

– А тебя зовут... – подстегнула девушка и замолчала.

– Ларри, – ответил на выдохе, поднимаясь.

Чего я раздумываю? Уйду и всё.

– А я Лео, – с широкой улыбкой представился мой товарищ, но брошенная им реплика осталась повисшей в воздухе.

Кенди вскочила следом за мной.

– Уже уходишь?

– Да, – хоть и понимал, что кажусь невежливым, сегодня я был не в духе расшаркиваться.

Возможно, в любой другой раз я бы даже обратил внимание, что она симпатичная, и вспомнил о том, что я – нормальный парень, но сегодня был не тот случай. Я был взбешён. И лучший способ сейчас успокоиться – остаться наедине.

– Ты на машине? Может, подбросишь меня? Я живу недалеко, но ноги жутко натёрла. Боюсь, сама не дойду, а такси не дождёшься.

– А я мог бы донести тебя на руках, – то ли всерьёз, то ли шутя с обольстительной улыбкой предложил Лео. Наверное, подсознательно уже чувствовал, что этот бой он проиграл, и птичка из рук улетела.

Кенди даже взглядом его не удостоила.

– Ну что?

– Поехали, – доставая ключи, бросил я, кивая на прощанье ребятам.

Всю дорогу Кенди пыталась разговорить меня. Нахваливала мои песни, расспрашивала, не ожидается ли чего-то новенького, но я был просто не в том состоянии. Вместо того, чтобы ослабить гнев, она своей болтовней, сама того не понимая, лишь больше меня распаляла. К счастью, ехать и правда было недолго. Десять минут – и мы у цели.

– Было бы неплохо провести вечер в более спокойной обстановке, – протянула она, поворачиваясь ко мне с улыбкой.

– Да уж. Только спокойные вечера выдаются нечасто.

Я отлично знал, к чему она клонит, но... Не то чтобы она мне не нравилась... Просто у меня сейчас не было цели встречаться с девушкой. А распыляться на несерьёзные свидания время от времени значит обидеть её. Какая девушка станет терпеть постоянное отсутствие внимания? А у меня сейчас мысли только о музыке. Сначала добьюсь чего-то в той сфере, куда стремился с рождения, а потом, возможно...

Я вообще старался не думать об этом, если быть честным. Я прекрасно понимал, что сцена – наркотик, и «потом» – понятие очень расплывчатое. Сейчас я убеждаю себя, что мне нужно сконцентрироваться на своей цели, прорваться через кордон препятствий, после не будет времени, потому что набранные обороты нужно удерживать, если не увеличивать – постоянно работать, работать, работать. И никакая девушка не будет терпеть такое к себе отношение. Любая хочет быть на первом месте. А на моём первом месте музыка. Так что я далеко не подарок.

Она начнет злиться, требовать к себе внимания, устраивать сцены, звонить по многу раз в день. Я буду нервничать и отвлекаться. Мы станем ссориться и в итоге расстанемся. Хорошо ещё, если у обоих хватит терпения и понимания закончить такие отношения дружбой.

Не то чтобы я целиком положил свою жизнь на алтарь искусства. Просто мне представлялось, что любовь – настоящая – должна случиться сама собой и накрыть с головой. И не будет никаких вопросов, сомнений. И пазл сложится.

Я ещё раз взглянул на Кенди и уверенно произнёс:

– Спокойной ночи!

Это явно было не то, на что она рассчитывала. На секунду лицо её приобрело оттенок удивления и раздражительности, но она быстро справилась с этим.

– Ну ты хоть номер мой возьмишь? На всякий случай.

Мы обменялись телефонами, и она наконец соизволила выйти. А я крутанул руль в обратную сторону. Домой. Спать. Завтра записываемся в студии. Я не пил, потому что был за рулём, но это больше отмазка. На самом деле я мог бы оставить авто и там, но связки нужно держать в хорошей форме. Тем более перед записью. Завтра меня ждёт много высоких нот.

Дома, едва ополоснувшись под душем, упал в кровать и отключился. Всё.

Так и живу.

И мне это нравится. Да, я почти перестал видеть сны и гораздо реже стал высыпаться, но зато мои дни насыщенные, и в них полно творчества – как я хотел. Мои песни крутят по радио, и у меня уже есть первые поклонники. Они сколотили фан-клуб и недавно прислали мне трогательное письмо и шоколад с орехами. Орехи не ем – вредно для горла, поэтому шоколадку отдал родителям. Она была большой, просто огромной. Но важно было не это. Это был первый подарок. И он запомнился.

Утром дописывали альбом. Остались две песни, которые были написаны аж четыре года назад. Пол их одобрил, сказал: «То, что надо». У него есть своя концепция, в соответствии с которой он отбраковал мои некоторые работы, сказав, что они слишком взрослые и их можно будет пустить в следующий альбом. Пока фанаты должны привыкнуть. Нельзя преподносить сразу глубокую философию, это может их отпугнуть.

Я не перечил. Я наслаждался всем, что сейчас со мной происходило. Я столько к этому шёл! А Пол помог мне найти верный путь и открыть эту дверь в шоу-бизнес, когда я тыкался в темноте носом обо все углы, надеясь, что буду услышан.

Если всё будет, как запланировано, уже к концу лета альбом поступит в продажу и тогда... Я даже не представляю, что будет. Это рубеж. Либо всё с треском провалится, либо взлетит. Тут всё зависит от слушателя, радиостанций, телеканалов, премий и чатов. Много различных факторов, способствующих или препятствующих артисту в его пути. Хотелось верить, что мой альбом людям понравится.

Мы записывались несколько часов подряд. Пол сам всё контролировал. Пока они со звуковиком сводили что-то на мониторах и обсуждали, как сделать лучше, я отдыхал. Пил воду, не рискуя налегать на что-то существеннее. Сначала – работа, потом остальное.

Наконец, уже после шести, Пол показал мне большой палец и махнул рукой, мол, довольно. И в этот момент прямо дух захватывает! Когда ты поставил последнюю точку. Когда записан твой первый альбом. Потом его будут ещё оформлять, работать со звуком и обрабатывать, разрабатывать макет, снимать обложку, но основная работа уже позади. Остаётся ждать результат.

– Присядь, – Пол кивнул на диван в нашей комнате отдыха, и я, не утруждая его просить дважды, устроился в положении лежа. Этот день забрал все мои силы. – Мне нужно уехать на пару дней, так что ты остаешься за главного.

– Понял, – козырнул ему я, расплываясь в улыбке. – Ничего не случилось?

– Нет, просто решил уделить время Элен и Белле.

Я кивнул. Что ж, дело хорошее.

С женой и маленькой дочкой Пола я был хорошо знаком. Менеджер сразу же после подписания контракта позвал нас с родителями на ужин (пришли Шон и мама, отца я не приглашал), и после мы пару раз собирались все вместе. Элен всегда утверждала, что двери их дома открыты для меня круглосуточно. И это приятно знать, что твой менеджер ещё и друг, на которого можно положиться.

– У тебя выступление, помнишь?

– Конечно.

– Потом два дня выходных. Сильно не расслабляйся. Ты знаешь, что я имею в виду.

Знаю. Кивнул. Ну зачем опять-то?

Я думал, что тема закрыта. Однако, когда через несколько дней Пол вернулся, и мы снова встретились в студии, он взялся за старое.

– Ларри, – каким-то необычным тоном произнёс он, и глаза его горели при этом неестественно ярко. Так бывало, когда он узнавал что-то супер-интересное и невероятное или им двигала какая-то новая, совершенно безумная на первый взгляд идея, которая потом непременно срабатывала.

Я думал, в этот раз речь снова пойдёт о творчестве, поэтому весело откликнулся.

– Да, Пол. Хорошо отдохнул?

– Более чем! И у меня есть для тебя отличная новость!

– Слушаю, – я был весь внимание и не скрывал этого. Мы оба горели творчеством, и в этом, наверное, главный секрет успеха. Нужно быть нацеленным на победу и посвящать работе над своей целью много сил и все мысли.

– Я всё думал, как нам исправить то, что ты наворотил, и вот в Москве меня осенило. Я увидел одну девушку...

– Что, прости? Что это ты имеешь в виду – я наворотил?

– Ту твою драку. Видел, как разлетелась в СМИ эта новость? Журналист этих, мать их, хлебом не корми, дай в грязном белье покопаться, да всю подноготную на свет Божий вытащить.

– Вроде же одна только статья вышла, – моему недоумению не было предела. Давно же забыли об этом.

– Ларри, – махнул рукой Пол, как будто разговаривать со мной было напрасно. – Ты телевизор хоть иногда включай. И журналы пролистывай. Ну, так, чтоб хоть знать, пишут ли о тебе, и если пишут, то что. А то привык, что я тебе все новости горяченькими приношу. А вот не было папочки несколько дней, ты совсем из современного мира выпал.

– Не выпал я ничего, – даже обиделся немного, если честно.

Я-то всегда себя продвинутым во всех современных технологиях парнем считал. Только всякие сплетни читать в последнее время забросил, потому что на них уходит слишком много времени и сил, которые можно направить в другое русло, что я и делал.

– Ларри, так жить нельзя. Но если ты хочешь, я тебе расскажу. Тебя даже звали в одну скандальную передачу – «Голые звезды», знаешь такую?

– Ты отказал, надеюсь? – поморщился я.

Эта программа имела дурную славу и туда часто приходили за чёрным пиаром. Те, кому всё равно, как и что о них говорит, лишь бы не забывали. И обсуждали там такие подробности, что программе впору было иметь маркировку «21+».

– Ага. Но их очень заинтересовала та ситуация и твои отношения с Кенди Джонатан.

– Кенди?

Да что за день потрясений такой?!

– Она-то здесь при чём?

– А разве её не было рядом?

– Ну, мы виделись в клубе, и я подвёз её домой. Всё. Больше ничего не было. Я даже не видел её в эти дни.

– Я тебе верю. А теперь попробуй пойти и разубедить весь мир.

– Да какое это имеет значение? Поговорят и забудут. Моё дело – писать хорошую музыку.

– А вот и нет. Писать хорошую музыку и давать концерты – это то, что лежит на поверхности. А есть ещё много другой работы, за которую такие одухотворенные творчеством лица как ты предпочитают не браться.

– Например?

– Например, общение с прессой и вся административная работа. Разруливание таких вот эксцессов, в которые некоторые неразумные молодые люди иногда влипают. Я знаю, Ларри, ты не самый проблемный артист: у тебя нет проблем с наркотиками и полицией, – но всё же хотелось бы удержать тебя и от такого рода ошибок. Думаю, на будущее ты возьмешь это на заметку и впредь будешь себя контролировать. Общество, в котором ты находишься, тоже влияет на ситуацию и накладывает определённый отпечаток на твой сценический образ.

– Так что мне теперь, дома сидеть и не высовываться? Ни с кем не общаться? – вскипел я.

– Заметь, об этом я не сказал ни слова. Просто есть люди хваткие, которые из всего извлекают пользу. Смотри, Кенди вон не проспала, быстренько воспользовалась ситуацией, оказавшись рядом, и теперь все журналы пестреют статьями о том, что из-за неё подрался аж Ларри Таннер. Уверен, теперь её ценник в качестве модели поднимется на несколько сотен фунтов уж точно.

– Я должен дать опровержение? – обречённо вздохнул я, закидывая ногу на ногу. Честно говоря, весь этот разговор меня утомил. Пол прав, я гораздо больше люблю заниматься творчеством, чем всеми этими тактиками возрастания популярности.

– Нет, зачем же. Мы поступим хитрее, – он с загадочной полуулыбкой уселся напротив. – Мы могли бы связаться с представителями Кенди и работать совместно, но есть способ лучше. Оставим всё как есть и подбросим свой козырь в колоду. Когда я был в Москве, я понял, что именно нужно. Тебе нужна любовь, Ларри! Представляешь, как по-другому начнет звучать твоя музыка для тех, кто слушает! Твою историю мы строим на честности: все артисты скрывают девушек, а ты будешь делиться со слушателями своим счастьем.

– Ага, крутая идея, Пол. Только девушки у меня нет, и ты об этом знаешь. Или предлагаешь начать мутить с первой встречной?

– Уже есть, Ларри. Уже есть, – довольно сообщил он, поднимаясь и снова меряя шагами комнату. Наконец остановился у окна, дождался, пока я переварю информацию.

– Что? Что значит «есть»?

– Она из Москвы, её зовут Энн.

Я весь напрягся. Упёр локти в колени, подался вперёд.

– Пол, ты точно трезв?

– Послушай меня! Это самый лучший выход из ситуации! Никто не узнает, кто она и откуда, даже если начнут копать. Ваша история любви сразу же отвлечёт на себя внимание. Что может быть лучше загадки? А она и станет загадкой! Как познакомились, где проводите время, в какой стадии ваши отношения, и откуда она взялась вообще? У твоих зарубежных фанаток появится шанс стать одной из многих, потому что ты выбрал девушку из другой страны. Тобой заинтересуются. А где интерес – там и спрос. Твои песни начнут раскупаться как горячие пирожки, и это прямо перед самым стартом продаж альбома!

Пол говорил и говорил, вдохновлённый своей идеей, а мне всё больше казалось, что это бред.

– И как мы будем «встречаться»? По скайпу? – хмыкнул, надеясь вернуть его с небес на землю.

– Нет, зачем? Всё будет по-настоящему. Она приедет сюда через несколько дней. Максимум через неделю. И будет жить в Лондоне.

– Пол, ты в своём уме? – тут уж и я не выдержал, тоже вскочил. – А если она расскажет всю правду? Ты предлагаешь фиктивные отношения?

– А что такого? Многие «голубые» прикрываются этим.

– Но я не такой!

– Я знаю, знаю, – он надавил мне на плечи, заставляя вновь сесть на диван. – Ларри, успокойся.

– Ты предлагаешь быть честным с фанатами, а на самом деле мы будем водить их за нос!

– Не кричи! Сядь и выслушай, – голос Пола стал резче и жёстче. – Это пиар. Хороший пиар для начинающего исполнителя. Им мало кто пользуется – в таком виде, поэтому тебя и не заподозрят. Насчёт девушки не беспокойся, с ней я сам разберусь. Подпишем контракт, она будет получать свою долю, и все будут довольны. Она довольно милая, твоего возраста. Умеет держаться на публике. Не серая мышь.

– Класс. Пол, ты молодец, у меня просто слов нет! – взмахнул руками в отчаянии. Но что я мог сделать?! – А потом ты прикажешь на ней жениться?

– Ни в коем случае. Да, и, кстати, не вздумай влюбиться в неё, – пригрозил он.

– Да я и не думал влюбляться! Мне вообще отношения сейчас не нужны!

Я не мог поверить, что это правда. Что он до такого додумался.

– Я могу отказаться?

– Только если придумаешь план получше. А я уверен, что у тебя его нет, – с видом победителя произнёс менеджер.

Ну всё. Полный провал.

Если нас разоблачат, меня никто не станет воспринимать всерьёз.

Почему для того, чтобы писать свою музыку и просто быть на одной волне со слушателями обязательно нужно столько лишних, ненужных телодвижений? Зачем все эти хитросплетения, раздутые до размеров вселенной новости?

– А общаться мы как будем? – выдвинул последний аргумент я. – Она по-английски хоть что-нибудь понимает?

– Она отлично владеет языком. Ещё и тебя русскому научит.

Я закрыл руками лицо. Если б я сразу знал, что будет столько проблем...

То что, отказался бы от сотрудничества с Полом? Ни за что.

– Да, тебе надо заполнить анкету. Это чтобы вам познакомиться друг с другом лучше. Оттягивать долго не будем – как только приедет, сразу устроим вам «первую встречу».

– Ты же видишь, как я счастлив, да? – на всякий случай уточнил я.

– Потерпишь, – как ни в чём не бывало ответил он. – А теперь пойдём репетировать. Сколько там времени? Двенадцать есть? Отлично. Через пять минут начинаем.

Вечером, измотанный не столько от репетиций, сколько от свалившихся новостей, я созвонился со своим другом Найлом, договорившись встретиться в пабе. За что я люблю его, так это за то, что он может бросить свои дела и встретиться со мной сразу же, а не через два дня, когда ему будет удобно. Ну а ещё за то, что он мой друг уже восемь лет. Лучший друг, я бы сказал.

Парень выслушал мой монолог с совершенно серьёзным лицом, так что я уж было подумал, он меня понимает, но потом выдал совершенно нелепую фразу:

– Парень, воспринимай всё как Божий дар. Всё что ни делается – к лучшему. Может, она ничего себе так, – он подмигнул мне и засмеялся.

– Ты идиот, – я покачал головой и уставился на картину за его спиной. Какая-то мазня. Похоже на лодку в море, но я не уверен. Как будто трёхлетний ребенок кисточками повозил. – Ну вот ответь мне, почему я должен врать? Почему не могу просто петь?

– Этот вопрос уместнее задать Полу.

– Я задавал.

– Да ладно, расслабься. Повеселись. И научись из всего извлекать кайф. Это лучшие мгновения твоей жизни, и никто не должен их омрачать. Просто смиришься.

– Я сделаю так, чтобы эта девка сама от меня отказалась.

– Ты говоришь, Пол будет платить ей? Тогда вряд ли она откажется.

– Я в любом случае сделаю так, что у нас ничего не выйдет.

– Я бы на твоём месте послушал Пола и сделал, как нужно. Можно подумать, тебя заставляют хлебать ложкой деготь.

Я покачал головой и сделал новый глоток пива. Хоть что-то хорошее в этом дне: пиво здесь просто отменное.

Глядя на мою мученическую физиономию, Найл опять рассмеялся, а потом протянул через стол руку и похлопал меня по плечу, со смешком нараспев протянув:

– Добро пожаловать в шоу-бизнес!

Глава 4

«Ладно, я это сделаю», – сказал сам себе, хотя меня тошнило от этой мысли.

– Энн сегодня приезжает, – прямо с утра «обрадовал» Пол.

Чего он ждал? Что я буду прыгать до потолка?

У меня пока ещё не было чёткого плана, как избавиться от этой проблемы. Попробовать довести девку, чтобы она сама захотела сбежать? Или терпеть и надеяться, что скоро в голову Полу стукнет какая-нибудь ещё гениальная мысль?

– Пора, – взглянув на свои часы крутой марки, которыми очень гордился, сообщил Пол.

Мы сидели в студии, занимаясь каждым своим делом. Я пытался подобрать что-нибудь на гитаре, но всю неделю в голову ничего не приходило. А те жалкие наброски, что мне всё же удавалось из себя вымучить, я тут же выбрасывал, едва записав на лист. Всё не то.

Пол в это время изучал свежую прессу, где упоминалось о моей персоне, и составлял новое расписание в своём планшете. Свободного времени было навалом.

Несмотря на то, что на радио и телевидение уже стали звать, как такового прорыва не было. Да, меня стали узнавать кое-где, приглашали на интервью, ставили, хоть и с боем, песни и клипы в эфир, но это было не то, что мы ожидали. Мне хотелось расширить границы, достучаться до людских сердец, услышать, как подпевает огромный зал. И это вряд ли было тщеславие. Ну или не только оно. Любому артисту хочется, чтобы его принимали и поддерживали. Тогда он будет гореть ещё ярче, ещё яростнее отдаваться работе, делать всё, чтобы благодарные зрители были довольны.

Я видел, какие крутые фан-клубы были у некоторых звёзд. Как их одаривали подарками, бойкотировали радиостанции и телеканалы, забрасывали их письмами и протестами, если любимого артиста где-то отказывались брать в ротацию. Как провожали до самолёта и тут же сами оказывались в другом городе (хотя это уже перебор, на мой взгляд). Такую любовь не купишь, её можно лишь заслужить. И я пытался. Честно пытался. Не писать то, что захотят слышать, а то, что шло из глубины души, из самого сердца. Если я не могу рассказать им честную историю моей жизни (пока не могу), то хотя бы в творчестве я буду честен.

Сказанное в тишине «пора» прозвучало резко и громко. Я поднял голову и удивлённо изогнул бровь.

– Самолёт приземлится через два часа. Пока доберёмся...

– А я тут при чём? – хмыкнул, снова склоняясь к гитаре и всем своим видом давая понять: эта тема мне неинтересна.

– А ты её парень. И чем раньше вас увидят вместе, тем лучше.

Глубокий вдох, вот так, не нужно злиться.

– Я должен её встретить?

– Именно.

– Ладно.

Да нефига не ладно! Я должен сосредоточиться на музыке! У меня уже неделю ни строчки не выходит, а я ещё должен отвлекаться на какую-то ерунду!

Что, просто приехать нельзя? Обязательно с цветами и фанфарами? А я вместо клоуна?

– Так собирайся, – поторопил Пол, вставая. – Ты на машине?

– Нет.

– Тогда я вызову Генри.

Я кивнул, хотя мне было всё равно.

Мы ещё не зарабатывали много, но Пол уже расщедрился на собственного водителя, обслуживающего всю его семью. Сам он водить не любил, предпочитая время в дороге тратить на какие-нибудь другие, полезные дела.

Генри прикатил быстро, и мы погрузились в машину. Пол, как обычно, впереди, я сзади.
– Держи, посмотри хотя бы на фотках. Надеюсь, сможешь узнать?

Я взял врученный мне планшет и несколько раз пролистнул туда-сюда фотографии. Всего три штуки, негусто. Как бы её запомнить? Родинок и шрамов на лице нет, пирсинга тоже. Обычная. Брюнетка с карими, вроде, глазами. Не уродина – спасибо и на этом, но и не модель. Видали посимпатичнее.

– Ну и как мы объясним, где познакомились, если она до этого жила в России, а я там никогда не был?

– Придумаем что-нибудь. Можно, допустим, воспользоваться историей о том, что она приехала на учёбу. Она как раз собирается здесь учиться.

– Замечательно, – выдохнул я агрессивно.

Значит, она планирует оставаться надолго? Девка не промах!

– Всё, иди. Познакомьтесь и приведёшь её сюда. И смотри мне, без фокусов.

– Можно подумать, я успею её убить и замести все следы.

– Я тебя предупредил!

– Я тебя понял.

Нехотя выбравшись из автомобиля (погодка сегодня – жуть!), направился в сторону входа в аэропорт. Блин, кажется, я уже забыл, как она выглядит. Надеюсь, она сама меня узнает. Должна ведь узнать? Или ей тоже предстоит свидание вслепую?

Мне всё ещё казалось, что это розыгрыш. Иногда фантазия Пола выбрасывает странные трюки, которые неизвестно ещё, к чему приведут. Может, всё обернётся полнейшим крахом, и что тогда? Тогда мы точно уже не отмоемся! Не лучше ли было просто переждать, пока пресса уgomонится? Надо же им было так взяться за этот повод! Кажется, написали и рассказали в подробностях, которых не было, все, кому не лень.

Ну и где она?

Все куда-то спешили, толкались. Я пробирался вперёд и высматривал девушку, стараясь припомнить её черты. Вот будет фокус, если она не прилетела, или будем сейчас стоять рядом, как два идиота, и не узнаем друг друга.

Взгляд зацепился за растерянно озирающуюся хрупкую фигуру, явно неместную, и я сразу понял – это она. Да уж, просто подружка Джеймса Бонда. Такую можно испугать одним видом дохлой крысы.

От этой мысли по губам растеклась усмешка. Ну ладно, посмотрим, чего она стоит.

– Привет. Это ты Энн?

– Ага. А ты кто?

Че-го?

Что-то я не понял: Пол не сказал ей, что нужно делать? Или она даже фоток моих не видела?

Решил на всякий случай не раскрывать сразу карт:

– Меня послал Пол. Он ждёт в машине.

– Почему он не пришёл за мной сам?

Почему так много вопросов?

– Не знаю. Ты идёшь? – ответил, уже теряя терпение, и тронулся с места, но она и не подумала шевелиться.

Пришлось со вздохом, не скрывая своего раздражения, вернуться и плюхнуться на спинку кресла. Раз так, пусть Пол сам с ней справляется.

– Окей. Давай подождём, пока он взбесится и придёт сюда сам. Пол не из тех, кто любит ждать.

– И сколько придётся ждать? – в её глазах мелькнуло озорство. Ещё не зная правил, она решила установить свои. Кажется, я её недооценивал.

– Думаю, минут десять.

Я оказался прав. Спустя десять минут, в течение которых мы не проронили ни слова, в толпе появился Пол. Сейчас устроит «приветствие».

– Эй, ребята, что происходит? Почему вы сидите тут?

– Привет, Пол. Ждём, пока Ларри наиграется, – произнесла Энн, словно ни в чём не бывало. Значит, знала все-таки, кто я.

Это начало меня раздражать. Строит из себя хорошую девочку? Тем хуже. Вряд ли она представляет, в какую авантюру ввязалась на самом деле. Скоро узнает, когда на неё набросятся эти акулы пера в ожидании наживы. С удовольствием посмотрю, как она будет придерживаться своей роли «хорошей девочки».

– Вообще-то, это ты заявила, что никуда не пойдёшь со мной, – буркнул я, изо всех сил подавляя раздражение.

– Потому что воспитанные парни при встрече представляются. И предлагают помощь, – кивнула на свой чемодан.

– Эй, эй, ребята, вы чего? Прекратите! – кинулся мирить нас Пол. – Нам нужно работать, а вы сразу же взялись выяснять отношения! Давайте-ка быстренько в машину, время не ждёт. Энн, ты привезла анкету? Ларри, ты всё заполнил?

– Заполнил, – пробормотал в ответ, желая поскорее вернуться в студию и закончить этот дурацкий цирк. Может, ещё получится уговорить Пола отменить всё, пока не поздно?

– Возьми у Энн чемодан и за мной.

Замечательно! Можно подумать, это она тут – прима, и все вокруг неё плясать обязаны!

По пути в студию обстановка лишь накалилась. Оказалось, наши анкеты абсолютно не совпадают, что лично мне итак было очевидно. Потом Пол всучил нам контракты, который я подписал, не читая. Стоит ли забивать свой мозг чепухой? Я прекрасно знаю, что именно нужно Полу.

Наконец с этим было покончено и меня отпустили. Я забрал гитару и хотел двинуться в звукозаписывающую, но там было занято. Всё правильно, время здесь строго по расписанию, и заставить саму студию пустой практически нереально. Немного подумав, я отправился в спортзал. Благо, в этом здании всё предусмотрено: есть и кафе, и спортзал (обычно пустующий), и комнаты отдыха вроде нашей, которые можно арендовать как на пару часов, так и на длительный срок. Наша комната мне очень нравится. За эти несколько месяцев я успел хорошенько обжить ее, притащить некоторые вещи из дома, несколько сменных рубашек, подушку и одеяло, так что порой мог спокойно остаться там ночевать, чтобы утром не тащиться через полгорода, а поспать лишних полчаса и спокойно начать репетировать, а потом, спустившись на два этажа, записывать новую песню.

В спортзале никого не было, и я спокойно устроился с гитарой на одном из тренажёров и начал наигрывать. Сперва дело шло туго, я был рассержен, и гнев никак не утихал. Но через двадцать минут снизошло вдохновение, и я стал писать, потеряв счёт времени. Только когда уже стало смеркаться, заставил себя вернуться.

В комнате никого не было, а в забытом впопыхах на столике телефоне было две эсэмэски от Пола:

«Завтра идёте в клуб. Там и познакомитесь».

Коротко и ясно, никто ничего не заподозрит, даже если украдут телефон и сольют переписку.

«Она будет внизу. Пожалуйста, сделай всё как надо».

Я прямо слышал в голове голос Пола.

– Сделай всё как надо, – передразнил, устало плюхаясь на диван и прикрывая глаза.

Сил уже не было. А нужно было ещё записать партитуру.

Позволил себе три минуты покоя, а потом резко встал, прогоняя сон, и взялся за дело. До утра еще много времени. Я всё успею.

Глава 5

После недавнего инцидента я не очень хотел идти в клуб. Пол мог бы придумать что-нибудь пооригинальнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.